

К. КРОО

ДОСТОЕВСКИЙ В ВЕНГЕРСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (1970–2012 гг.)

Восприятие и освоение творчества Достоевского на протяжении всего XX в. занимало важное место в культурной и научной жизни Венгрии, не ограничиваясь при этом областью филологической науки. С одной стороны, изучение наследия русского писателя представителями венгерской гуманитарной интеллигенции отражено в художественной литературе¹. С другой стороны, в научном освоении творческого наследия Достоевского важную роль играли философские и теологические контексты². Вспомним и то, что во множестве литературоведческих и критических статей, принадлежащих перу талантливых авторов, не являющихся специалистами в области истории русской литературы, имя и творчество писателя стали общим полем эстетической и идейной референции, общим культурным знанием и критическим топосом. Ссылки на произведения и философские концепции, развиваемые в произведениях Достоевского, довольно часто использовались *ad hoc*, иногда даже вне прямой связи с изучением целостного творчества писателя, с целью обогатить интерпретационный арсенал литературных или научных текстов, а также в иных контекстах, при обращении к проблемам историко-литературного плана и общей теории литературы³.

¹ Об этом см.: *Cumap K.* Между Востоком и Западом. Восприятие Достоевского в Венгрии (по страницам журнала «Нюгат») // См. наст. сб. С. 405–419. Далее см. напр. статью: *Cumap K.* «Великий грешник» и «блудный сын» (Достоевской и Пилински) // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур. Budapest: ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies», 2009. С. 445–452.

² Напр., первое венгерское издание книги «Философия субъективного жизнеощущения» 1942 г. (здесь и далее перевод названий литературных источников дан по К. Кроо и авторам упомянутых работ): *Vatai L.* Dosztojevszkij: A szubjektív életérzés filozófiája. Debrecen, 1992.; книга «Поэт антиномий. Достоевский и индивид»: *Fehér F.* Az antinómiák költője. Dosztojevszkij és az individuuum. Budapest, 1972.; ср. второе, исправленное издание книги «Поэт антиномий. Достоевский и крушение индивида»: *Fehér F.* Az antinómiák költője: Dosztojevszkij és az individuuum válsága. Budapest, 1996.

³ В качестве аналогичного явления в европейской гуманитарной критике можно указать на книгу Рене Жирара (René Girard), анализирующего тексты Достоевского в целях

При написании данной статьи ее автором приняты во внимание вышедшие к настоящему моменту работы по истории венгерской достоевистики⁴. Стараясь избегать повторов, а также учитывая прагматическую задачу, связанную с проектом Пушкинского Дома по выпуску в свет в настоящее время Полного собрания сочинений Достоевского в тридцати пяти томах (в которое включены достижения зарубежных ученых), автором настоящей статьи поставлена цель описать важнейшие исследования по поэтике Достоевского и набор методологических подходов, применяемых в Венгрии к толкованию творчества писателя. Также автором сделана попытка определить характерный для венгерской науки спектр тематических направлений в исследованиях, с их конкретными филологическими и текстологическими достижениями. Вышеуказанными приоритетами определяются принципы отбора представленных в статье концепций, которые изложены в монографиях или других работах книжного масштаба, написанных о творчестве Достоевского⁵.

Начинать разговор о научных исследованиях, внесших особенно значительный вклад в венгерское достоевиеведение в 1970-е гг., необходимо в первую очередь с книги Д. Кирая (Gyula Király) «Достоевский и русская проза»⁶. Исследовательским контекстом, в который следует поставить выработанную в указанном сборнике статей концепцию поэтики романа Достоевского, является общая теория жанра и, в частности теория жанровой поэтики романа. Она основана на системе классификации⁷, в которой противопоставлены формы и виды

построения психологическо-философской концепции миметизма: *Girard R. Deceit, Desire and the Novel — Self and Other in Literary Structure / Transl. Y. Freccero. Baltimore; London, 1988.*

⁴ См.: *Кроо К.* Исторический обзор венгерской достоевистики в литературоведческой русистике в университете им. Э. Лоранда в Будапеште. «Нашими глазами» // Достоевский и XX век: В 2-х т. М., 2007. Т. II. С. 483–552. Библиография: С. 535–552. Там же см.: *Ковач А.* Достоевский в свете поэтики жанра и дискурса (опыт авторецензии) // Там же. С. 495–504; *Кроо К.* От «Братьев Карамазовых» к «Братьям Карамазовым» // Там же. С. 505–515; *Хорват Г. Ш.* От мифопоэтики к поэтике письма // Там же. С. 515–521; *Сабо Т.* Иконоподобие женских персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского // Там же. С. 521–526; О научном труде Д. Кирая // Там же. С. 484–494.

⁵ В разделах статьи, где представлены научные достижения А. Дуккон, В. Лепакхана и А. Рейхман, основываемся на описаниях, представленных самими этими авторами. Помимо них, выражаем благодарность исследователям Т. Сабо, А. Хаваша, А. Хорват, А. Палфи, Г. Шолти, которые помогали в подготовке данного обзора. Элементы их описаний отражены в релевантных частях настоящей работы.

⁶ *Кирай Д.* Достоевский и русская проза. Исследование по поэтике романа: *Király Gy. Dosztojevskij és az orosz próza. Regénypoétikai tanulmányok.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983.

⁷ Ср. «Возможности анализа в аспекте поэтики прозы и типологии жанра. Дьюла Кирай. Достоевский и русская проза»: *Hima G. A prózapoétikai és műfajpoétikai megközelítés lehetőségei. Király Gyula Dosztojevskij-monográfiájáról // Alföld, 1985. N 2. O. 85–88.* Ср. в русском переводе статью: Отзывы на статьи и книгу Дьюлы Кирая «Достоевский

эпоса, трагедии, нравописательный и классический романы в современном понимании этих жанров. В рамках данной концепции осознание литературным персонажем условий своей жизни понимается как действие, причем это осознание неотделимо от внешней и внутренней активности литературного героя. «Психологическую логику» персонажа Кирая понимает как социально-психологическую мотивацию его поступков, сопровождаемую интенсивным осмыслением действительности (сюжетное событие как «приключение сознания»). В результате экзистенциального опыта («социальной бесприютности») и исторической предопределенности действительность превращает жизнь персонажа в судьбу. Судьба литературного героя, таким образом, формируется, вырастая из множества аспектов общественной и исторической реальности; тем не менее ее можно рассматривать как судьбу личную и личностную. Толкование ее характеристики, приводимое в тексте произведения («завершенность сюжета познания судьбой»), требует рассмотрения и субъективной, и объективной сторон этого процесса.

С философско-психологическим аспектом данной проблемы связана особая чуткость Кирая к субъективным и объективным формам художественного моделирования, изучение которых следует назвать второй значительной составляющей его концепции жанровой поэтики Достоевского. Эта методология получает нарратологическую установку, проявляющуюся в тщательном анализе повествовательной системы произведений, в подчеркивании вопроса, каким образом может достигаться «объективная», т. е., согласно терминологии Кирая, «нарративная» правда, сообщаемая целостной жанровой структурой и поэтической онтологией текста, со всей очевидностью удаленного от субъективности повествования и установки на определенную идеологию.

Обращаясь к следующему компоненту общей теории жанра, выработанной Кираем, заметим, что в центре его внимания находится эпика. В рамках развиваемой в его исследовании парадигмы в эпический материал могут быть включены и принципы построения драмы. Предлагаемый подход дает простор для ряда сопоставлений, помогающих по-новому поставить вопрос о специфике жанра в произведениях Достоевского, например, в сравнении «Преступления и наказания» с «Гамлетом» В. Шекспира. Укажем на некоторую родственность изложенных им соображений в статье «Ренессанс и XIX век — Гамлет и Раскольников»⁸ и вопросов,

---

и русская проза. Статьи по поэтике романа» (Будапешт, 1983) // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 487–490. См. также: Ковач А. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985. С. 60–65; ср. то же самое: Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 493–494.

⁸ Király Gy. Dosztojevszkij és az orosz próza. Regénypoétikai tanulmányok. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983. Ibid, O. 285–309; первая публикация «Гамлет и Раскольников — ренессанс и XIX век»: Király Gy. Hamlet és Raszkolnyikov — reneszánsz és a XIX. század // Filológiai Közlöny. 1980. N 3. O. 289–312. См.: Király Gy. Hamlet and Raskolnikov: Renaissance and the 19th Century // Acta Litteraria. 1979. N 21. P. 15–43.

поставленных в двух основополагающих статьях о «Двойнике»⁹. Общим в этих работах является метод определения событийности романного мира писателя с точки зрения нарративной внутритекстовой структуры и в контексте русской общественной проблематики того времени.

Особое значение имеют следующие компоненты толкования сюжета и главного героя в «Двойнике» и «Преступлении и наказании». В «Двойнике» различаются три основные разновидности подсюжетных линий:

- 1) по их месту в композиции произведения;
- 2) по типу событийности, воплощенной в них;
- 3) по их принадлежности к определенной онтологической сфере в системе условных реалий событийности.

Эти три подсюжетные линии связаны между собой, что позволяет истолковать их как конструктивные факторы становления судьбы Голядкина в ее экзистенциальной определенности, но все же в значительной мере зависящей от характера психологической и интеллектуальной «логики» освоения опыта такой экзистенциальной заданности. Речь идет об отождествлении внероманного и собственно романного сюжетов в разборах «Двойника», что и соответствует той идее, с которой воплощена в тексте произведения функция «предыстории» по отношению к романному сюжетосложению, связанная с крушением надежд героя¹⁰. Внероманной предысторией мотивировано в сюжете «Двойника» формирование типа и характера описанной событийности, так как в пространство последней вовлекается сюжетная ткань предыстории с ее двумя тематическими нитями («приключение-карьера» и «приключение-любовь»), которые оцениваются как два незавершенных предыдущих «романа» Голядкина. Оба они стали итогом мечтаний, и в результате их крушения сегментируется предыстория повествования, так как на стыке предыстории и собственно сюжета появляется скандал «третьего дня», мотивирующий переход Голядкина из состояния мечтательства к бунту. Согласно этой концепции, в первых пяти главах произведения раскрываются мотивировочные соотношения, кроющиеся в переходе от первых двух «романов» к третьему. Этот третий «роман» (согласно пятой главе) вырастет уже не из мечтаний, а из второго скандала на балу (четвертая глава), т. е. из проявления уже далее развертывающегося бунта героя. Скандалом «третьего дня» считается кульминационный момент ряда событий, связанных с появлением двойника¹¹.

---

⁹ *Курай Д.* Сюжетный параллелизм в романе «Двойник». К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического планов // *Studia Slavica Hungarica.* 1969. Т. XV. С. 239–256; *Курай Д.* Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica.* 1970. Т. XVI. С. 259–300.

¹⁰ *Курай Д.* Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica.* 1970. Т. XVI. С. 242.

¹¹ О полной структуре произведения см.: *Курай Д.* Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica.* 1970. Т. XVI. С. 263, 269.

Кирай акцентирует «двусюжетность» «Двойника», которую оценивает как факт той «внутренней формы», «эпической структуры», в которой могут размежеваться позиция героя и сфера авторского «я». По мнению ученого, рассказчик до появления двойника излагает события с явной иронией, а после — «без особых оценочных моментов»¹². Независимо от того, как решается вопрос об авторской модальности повествования, суть рассуждений Кирая, на наш взгляд, сводится к приведению в органическое соответствие нарративной структуры и сегментации сюжетного хода в композиции произведения. Кирай отмечает ряд различий между художественными решениями Достоевского в «Двойнике» и «Бедных людях»¹³, где «основой разграничения плоскостей „слова“ героя и „слова“ автора служила структура параллельных линий: сюжета сознания и сюжета судьбы героя»¹⁴.

В рамках предложенной концепции эпической «внутренней формы» термин *судьба* возводится в ранг нарратологической категории: оценивается не только как предмет изображения, сообщающий о познавательной и иной деятельности героя, но и как выражение функции, устанавливающей эпическое дистанцирование для определенности авторского голоса. Событийность познавательного акта (судьба) героя романа дает возможность провести границы между разными уровнями условности изображаемого мира (онтология психологической и интеллектуальной оправданности поступков персонажа; мечтательность и артефакт «двойной мысли» как события в ходе осознания; соотношение «фантастических» и «реальных» действий в сюжете). Суть концепции Кирая не ограничивается констатацией идеи двойной сюжетности произведения Достоевского и принципиальной двойственности поэтического мышления писателя (внероманный сюжет против романного; голос автора против голосов героев и повествователей; фантазии против реальной действительности; субъективное мышление против объективного). Исследователь стремится указать на гибкость переходов от одной поэтической формы к другой. Это проявляется в сочетании сюжетных линий (например, в «Двойнике» описаны «приключения» мечтания, скандала и бунта разного типа, а также «приключения сознания», конфликт логики и экзистенциальной эмпирии и т. д.), в проведении нечетких границ между уровнем реальной действительности и ее фантастической репрезентацией, но также и в переходе от голосов героя и повествователя к авторскому «я».

---

¹² Кирай Д. Сюжетный параллелизм в романе «Двойник». К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического планов // *Studia Slavica Hungarica*. 1969. Т. XV. С. 248.

¹³ См. напр.: Кирай Д. Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica*. 1970. Т. XVI. С. 265–267, 270.

¹⁴ Кирай Д. Сюжетный параллелизм в романе «Двойник». К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического планов // *Studia Slavica Hungarica*. 1969. Т. XV. С. 248.

Сопоставительный анализ «Преступления и наказания» и шекспировского «Гамлета», проведенный в указанных работах Кирая, можно включить в заложенную еще Вяч. Ивановым традицию осмысления романов Достоевского как «трагедий». Но Кирай и здесь опирается на понятие «судьбы»: в «Гамлете» главный герой может отдаться возможности достоверного познания действительности еще до выбора действия, а для Раскольникова попытка познания и опыта равна окончательному выбору своей судьбы. Эта судьба слагается из поступков героя, к которым относятся все компоненты и действия акта познания, что приводит к трагическому мироощущению, выраженному именно в крушении этой судьбы. Исследователь приходит к выводу, что в «Преступлении и наказании» и «Двойнике» развитие сюжета состоит из трех основных этапов. Внесюжетному периоду приключений и мечтаний соответствует статья, написанная Раскольниковым, а сюжет романа замкнут на эпилоге. Но эпилог также стоит вне романной сюжетности и сулит читателю продолжение истории в будущем. Периодизация сюжета в «Преступлении и наказании», следовательно, оказывается тесно связанной с концептуализацией судьбы героя в свете вероятности ее завершения. Поднятые здесь вопросы связаны с целостностью нарративной структуры романов Достоевского и свойствами той внутренней эпической структуры (то с иронически-комическими, то с трагедийными отзвуками), которая, согласно толкованию Кирая, дает возможность выяснить жанровую определенность поэтики романа.

Первая постановка вопроса о поэтике романов Достоевского в раннем научном труде А. Ковача (Árpád Kovács) «Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра» также была обоснована *нарратологической ориентацией* и в самом начале сочеталась с изучением вопроса о *функции романного персонажа в целостной художественной композиции* произведений писателя¹⁵. В основании рассуждений Ковача лежит мысль о значении и смысле формы становления человеческого опыта и его незавершенности, которая была осмыслена ученым как прозрение литературного героя. Повествовательное воплощение персонажа определяет специфику жанра произведения Достоевского как романа-прозрения. Толкование сюжета и жанра в последующих исследованиях ученого дополняется дальнейшими уточнениями и концептуализацией новых понятий благодаря развитию интерпретационных контекстов динамичности романной модели писателя. Эта модель представлена в трех аспектах в упомянутом исследовании Ковача¹⁶. Первым аспектом объясняется принцип поэтической мотивации, который понимается как соотношение в мотиве (как в минимальной сюжетобразующей единице, находящейся в состоянии постоянной трансформации) компонентов идей, переживаний и действий. Если проследить трансформацию

¹⁵ Ковач А. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest: Tankönyvkiadó, 1985.

¹⁶ Там же.

целого мотива как целостной единицы мотивировки, то можно реконструировать сюжет прозрения литературного героя. Во втором аспекте, следовательно, динамичность романной модели осмыслена как *система* трансформаций романного персонажа. Третий аспект концепции Ковача предполагает, что динамический характер сюжета романа Достоевского реализуется в такой последовательности этапов:

- 1) системное изменение соотношений дискретных элементов в единице мотивировки,
- 2) трансформация героя,
- 3) развертывание сюжета прозрения.

Эти этапы подразумевают существование в мотиве неожиданных действий и процессов возникновения и становления новой субъектности. Наличие противоположных и двойных жестов и мыслей персонажей есть особая форма произвольной — непредвиденно возникающей¹⁷ словесной и невербальной — коммуникации с другими персонажами, проявление обмена соответствующими знаками с читателем и (через внутренние монологи и диалоги) выражение автокоммуникации.

Три названных аспекта концепции динамичности сюжета прозрения в романах Достоевского объединяет то, что путь возникновения и становления относится к самому человеку, точнее — к процессу его самопонимания. Такой процесс характеризуется своей принципиальной незавершенностью, соответствующей смыслу открытых перспектив человеческой личности.

Акцент на данных тезисах в первом труде Ковача объясняется его желанием указать на те идеи, которые позже получили значительное методологическое и интерпретационное расширение и уточнения разного типа. Продуктивность изначальной трактовки исследователем поэтики жанра в отношении возможности ее транскрипции в другие интерпретационные и понятийные системы доказывает большое значение и неизменную состоятельность этой работы. Стержнем толкования романов Достоевского является убеждение Ковача в том, что в основе формирования нарратива Достоевского лежит мысль о становлении личности человека (трансформация через прозрение) в контексте становления его языка (трансформация форм коммуникации и автокоммуникации). Две формы становления толкуются как единый связный процесс, по ходу которого человек осознает себя и окружающую действительность не в роли обычного субъекта познания («гносеологического субъекта»), но в позиции творческого субъекта, который вольно или невольно означает путь своего становления и преобразования. Человек в романе Достоевского начинает применять новый язык и новые типы и формы высказы-

---

¹⁷ Данная проблема в более поздних работах Ковача толкуется в контексте того *единичного и уникального «события»*, которое оказывается призывом героя к означиванию действительности, самого себя и своего собственного «текста». См., напр.: Ковач А. «Таинственный знак» у Достоевского // Slavistična revija. 2005. Т. 53. N 3. С. 261–281.

вания. Персонаж выражает собой новое качество бытия, так как именно посредством него показана та часть действительности, которой он раньше не знал, в этом обнаруживается истинный смысл рождения события в его непредсказуемости. Неожиданные, непредсказуемые мысли и чувства, оформляясь в знаки, раскрывают в новом, неведомом свете течение обыденной жизни, указывая на тайну существования человека. Незримое, непредвиденное и непредсказуемое обращается в высказанную и представленную часть действительности за счет порождения новых форм. Эти формы возникают в творческом (экзистенциальном и языковом) отношении героя к окружающей реальности, обеспечивая тем самым и обновление его языка, и выражение мотивной обусловленности сюжета в романе прозрения Достоевского.

Новые идеи в изучении поэтики писателя привносит книга Ковача «Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский»¹⁸, в центральном тезисе которой объединены понятия рассказывания и персональности. Однако если в книге «Роман Достоевского...» ряд вопросов, связанных с рассказыванием, сопоставлен с нарратологической парадигмой, то в новом исследовании акцент смещен на дискурсивный подход. Текст Достоевского осмыслен в качестве цельного дискурса, в котором событие прозрения, становление романного персонажа и его персональности изучается уже в его языковом воплощении, в аспекте преобразования героя в субъект (и одновременно в объект) собственного языка, сотворенного им самим. Дискурсивная функция героя, которого в данном контексте следует переименовать в субъект собственного текста о себе, состоит в том, что инновационный характер языкотворчества коррелируется с языком целостного дискурса романа. Согласно основной мысли книги, формирование метафорического языка можно разбить на этапы и связать с развитием сюжета, т.е. оно определяется собственной языковой конструкцией литературного произведения. Такого рода дискурсивная корреляция изучается Ковачем с применением выработанной им методологии дискурсивной поэтики. Эта методология теоретически обоснована и всесторонне описана в его работах по поэтике Достоевского, а также о творчестве других писателей¹⁹.

Корреляция языковых свойств, принадлежащих к фигурам персонажей и целостному тексту, описывается Ковачем не в нарративных композиционных соотношениях, но в плане дискурсивных аналогий; фактически, речь идет об описании текстопорождения. Внимание ученого перемещается к проблеме поэтики дискурсивности художественного текста, где настоящим «событием» оказывается создание субъектом некоего высказывания и через его посредство формирование текста

---

¹⁸ Ковач А. Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский. Frankfurt: Peter Lang, 1994. С. 59–163, 185–187.

¹⁹ См. напр., всю венгерскую книгу «Дискурсивная поэтика»: Kovács Á. Diszkurzív poétika. (Res Poetica 3). Veszprém, 2004. О. 45–107.

произведения, моделирующего становление личности человека в реализации его голоса. В концепции соответствия между идиолектами персонажей, их персональными текстами, и целостной дискурсивностью романа Достоевского вполне обоснованно изучать формы персонализации дискурса, абстрагируясь от рамок *Ich-Erzählung*'а в формальном смысле. Например, в эпическом формате повествования «Братьев Карамазовых» (чему посвящен большой раздел книги Ковача) или в различных, в том числе и интертекстуальных, межжанровых и межродовых формах (примеры которых мы находим в анализе произведений Гоголя и Пушкина), а также в лирических стихотворениях, в жанрах поэмы и повести.

Расширение истолкования принципов поэтики Достоевского привело исследование к синтезу, благодаря, с одной стороны, привлечению дисциплинарных областей, включенных в поэтическое чтение произведений писателя²⁰, а с другой — как итога истолкования идеи о *поэтике сердца* в произведениях Достоевского²¹. Акцент при этом был сделан на изучение поступка персонажа с привлечением изучения семиотических процессов образования и трансформации знаков²². В исследовании концептировано понимание Достоевским действительности в ее знаковом онтологическом статусе²³. Результаты этих исследований помимо публикаций на венгерском языке доступны и в недавних русскоязычных изданиях²⁴. Традиция конфессиональности (например «Исповедь» Блаженного Августина и ее философские трансляции)²⁵ изучена Ковачем как с точки зрения дис-

---

²⁰ Ковач А. К вопросу о литературной антропологии // Проблемы нарратологии и опыт формализма/структурализма. СПб., 2008. С. 154–161; Ковач А. К вопросу о референции прозы // На пути к литературной антропологии. *Studia Slavica Hung.* 2009. Т. 54. № 2. О. 378–382.

²¹ См., напр.: Ковач А. «Таинственный знак» у Достоевского // *Slavistična revija*. 2005. Т. 53. N 3. С. 261–281; Ковач А. *Angustia*. Тоска у Достоевского // *Russica Hungarica*. Budapest–Moszkva, 2005. О. 100–125; статья «Эпоптея. Культура сенсibilityности в творчестве Августина, Пушкина и Достоевского»: *Kovács Á. Epopeteia. Az intelligens szenzibilitás Augustinus, Puskin és Dosztojevszkij műveiben* // *Puskintól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetan köréből 2 (Diszkurzívák 5)*. Budapest, 2006. О. 5–37.

²² О соотношении поступка и внутренней речи, семиозиса у Раскольникова см. статью «Роман или поэтическая димензия поступка»: *Kovács Á. A regény, avagy a cselekvés poétikai dimenziója* // *Filológiai Közöny*. 2002. N 1–2. О. 57–85 (конкретно по теме см.: с. 62–67); статья «Прозема и метафора. О двух способах презентации слова и поступка в прозе Достоевского»: *Kovács Á. Prozéma és metafora. Szavak és tettek Dosztojevszkij prózájában* // *A regény és a trópusok. Tanulmányok. A második veszpremi regénykollokvium (Diszkurzívák 7)*. Budapest, 2007. О. 9–138.

²³ Статья «Письменная дискурсия в прозе Достоевского»: *Kovács Á. Diszkurzív poétika. Dosztojevszkij írásmódja* // *Kovács Á. Prózamű és elbeszélés. Regénypoétikai írások (Diszkurzívák 12)*. Budapest, 2010. О. 100–178.

²⁴ См., напр., упомянутые работы, изданные в 2000-х гг.

²⁵ *Kovács Á. Diszkurzív poétika. Veszpremi Egyetemi Kiado, Veszprem, 2004. О. 316–326; ср.: Kovács Á. Epopeteia. Az intelligens szenzibilitás Augustinus, Puskin és Dosztojevszkij*

курсивной модальности форм персонализации в прозаическом тексте, так и в философско-идейном аспекте²⁶. Возникающие при этом философско-антропологические аспекты²⁷ исследователь связывает с проблематикой дискурсивного семиозиса. Здесь налицо принятие во внимание определенной научной традиции, выработанной ранее в области философии, психологии и поэтики языка от В. Гумбольдта через А. Потенбу и Л. Выготского к современным герменевтикам (например в лице П. Рикёра), а также представителям литературоведческой семиотики и текстологии.

В последних по времени работах Ковача (в которых выполнен анализ «Петербургских сновидений в стихах и прозе», «Записок из подполья», «Братьев Карамазовых», «Идиота») указанный новый синтез реализован за счет междисциплинарной концептуализации и описания выработанной Достоевским поэтической модели творческого субъекта. Этот субъект осмысляется в его единичном и неповторяющемся знаковом становлении в смыслопорождающих процессах, которыми метатекстуально определяется история возникновения и развертывания знаковости на разных уровнях текстопостроения²⁸. Идея о знакотворчестве, превращающем «нарративную идентичность» героя в «дискурсивную субъектность», обращается в концепцию литературной антропологии, которая не только опирается на концепты языка, но и ставит вопрос о возможности научного направления, которое Ковач называет «персоналонтологией»²⁹. Речь идет о репрезентации поэтической модели Достоевского в русле дискурсивного переосмысления экзистенциального опыта, извлеченного из практической жизни; экзистенциальный опыт в данном исследовании толкуется значительно шире, чем в книге «Роман Достоевского...». Описывая модель мироотношения литературного героя, Ковач вычленяет смысловой ряд: «ощущение–впечатление–сравнение–означивание–понимание–мысль»³⁰, эта парадигма оценивается в рамках структуры

---

műveiben // Puskintól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből 2 (Diszkurzívák 5). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2006. O. 5–37.

²⁶ См. проблематику воли у Паскаля, напр., в статье «Достоевский и Паскаль»: *Kovács Á. Dosztojevskij és Pascal* // *Studia Caroliensia*. 2009. N 4. O. 3–13.

²⁷ См. в том числе и о достижениях философии поступка Михаила Бахтина и теории «симпатии» Макса Шелера (Max Scheler) в материале: *Kovács Á. Diszkurzív poétika...* O. 281–292; а также в статье «Теория дискурса в свете понимания акта у Михаила Бахтина»: *Kovács Á. A diszkurzus cselekményelméleti gyökerei Mihail Bahtyin gondolkodásában* // *Irodalomtörténet*. 2010. N 3. O. 303–331.

²⁸ См., например, *Kovács Á. Prózamű és elbeszélés. Regénypoétikai írások* (Diszkurzívák 12). Budapest: Argumentum, 2010. O. 100–178.

²⁹ Само понятие и целостный контекст его толкования см. в статье «Теория дискурса в свете понимания акта у Михаила Бахтина»: *Kovács Á. A diszkurzus cselekményelméleti gyökerei Mihail Bahtyin gondolkodásában*. // *Irodalomtörténet*. 2010. N 3. O. 303–331.

³⁰ См. целостную концепцию: *Kovács Á. «Таинственный знак» у Достоевского* // *Slavistična revija*. 2005. T. 53. N 3. O. 261–281.

поступка. Такого рода симбиоз междисциплинарных методов (с привлечением «Никомаховой этики» и «Поэтики» Аристотеля) и интерпретации поступка персонажа в контексте творческой модели жизни и в плане возникающей в ходе рецепции онтологии знаковости («знакового существования»), служит объяснением тому, почему исследователь ставит в центр внимания «таинственные знаки». Эти «знаки», воплощающие фигуральное выражение основной единицы прозаического языка, называемой Ковачем «прозой»³¹, могут причисляться в данной концепции одновременно к действительности в смысле ее предметности и к самому тексту произведения (и его авторефлексии). Герой, становящийся субъектом текста, трансформирует тайный знак вещей в означивание и орудие осмысления действительности и самосознания. Это происходит в ходе знакотворчества при помощи практики «эпоптеи» (интеллектуальной сенсительности, выражать которую призваны процессы метафоризации с сердцем в их центре и диспозицией тоски в их основе). Знак-вещь и знак-текст с семиотической точки зрения связаны в ходе толкования и творения знаков субъектом текста. В то же время понятие интенции смыслопорождения, понимаемой как бытовое начинание в жизни, вырастающее из экзистенциального кризиса и формирующее начало означивания (т. е. знакового пресуществования поступка), обращает указанные процессы в художественную модель семиотической концептуализации и освоения действительности. В этом смысле, на наш взгляд, «*знак-индекс действительности*» (термин, используемый Ковачем с ссылкой на категоризации Дж. Пирса и К. Бюлера) здесь следует понимать двояко. Субъект текста, толкуя тайный знак (путем его означивания и означивания самим этим знаком), высвобождает его из неизвестности, тем самым знак обретает иной онтологический статус, эксплицируется по ходу его перевода в другую форму знакового существования. Таким образом, он является знаком-индексом действительности (экзистенциального начала) и формы действительного (семиотического) существования этой действительности. Ни то, ни другое не существует у Достоевского без предположения субъектности, лежащей в основе личной индивидуальности³². Исходя из вышеизложенного можно прийти к мысли о том, что Достоевский показывает читателю возникновение семиотической действительности и ее динамической онтологии.

---

³¹ Kovács Á. Prozáma és metafora Szavak és tettek Dosztojevszkij prózájában // A regény és a trópusok. Tanulmányok. A második veszprémi regénykollokvium (Diszkurzívák 7). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2007. O. 90.

³² См.: Kovács Á. Prozáma és metafora Szavak és tettek Dosztojevszkij prózájában // A regény és a trópusok. Tanulmányok. A második veszprémi regénykollokvium (Diszkurzívák 7). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2007. См. там особенно: O. 120–125; Ковач А. «Таинственный знак» у Достоевского // Slavistična revija. 2005. Т. 53. N 3. O. 261–281.

Исследования автора настоящей статьи, К. Кроо (Katalin Kroó), в области достоевсковедения представлены в публикации 2007 г.³³, где описаны ее научные достижения, в том числе монография о «Братьях Карамазовых» (1991 г.)³⁴, статьи о том же произведении³⁵, а также русскоязычная монография «„Творческое слово“ Достоевского — герой, текст, интертекст»³⁶. Выяснение ряда аспектов поэтики русского романа содержится также в монографии о «Рудине» Тургенева³⁷. Здесь речь идет о теоретическом осмыслении феномена интертекста, понятия интертекстуального сюжета, о механизмах перевоплощения претекстов в интертексты, о функции интертекстуального сигнала и о свойствах иерархизированности интертекстов. Опыт параллельного межтекстового исследования произведений Тургенева и Достоевского в последние годы привел к постановке ряда новых вопросов о свойствах поэтики произведений Достоевского, например, о присутствии в них авторефлексивной функции. В работе «Изгнание беса как проблема текстуальности в романе Достоевского „Бесы“»³⁸ прослеживаются различные виды семантизации текстуальности, изучается возникновение внутри- и межтекстовых определений и переопределений, перекодирований мотивов, развивающих метапоэтический сюжет. Истоки комплексной жанровой формации, которую представляет собой в разных вариантах этот роман Достоевского, определяются его авторефлексивной поэтикой: вырисовывается ряд контекстов жанровых составляющих в ходе

---

³³ Кроо К. От «Братьев Карамазовых» к «Братьям Карамазовым» // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 505–515.

³⁴ Книга «„Братья Карамазовы“ — образ, действие, наррация, интертекстуальность»: Kroó K. Dosztojevskij: «A Karamazov testvérek». Alak, cselekmény, narráció, szövegköziség. Budapest, 1991.

³⁵ Кроо К. Еще раз о тайне гимна в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». «Элевзинский праздник» — мистерия гимна // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2004. №20. С. 170–192; Кроо К. «Гимн» с «секретом». К вопросу авторефлексивной поэтики романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (статья первая) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М., 2007. С. 396–417; Кроо К. «Трагический гимн радости» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». К проблеме семантической когерентности интертекста // Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 69–81; о новых аспектах сопоставимости романов «Братья Карамазовы» и «Тьма покрывает землю», а также исповедальные формы в романе Анджеевского (молитва, исповедь, гимн) см.: Kroó K. «A Karamazov testvérek» és a «Sötétség borítja a földet» című regények összevetetőségének újabb szempontjairól (23 év múltán). Vallomások formák Andrzejewski regényében (ima, gyónás, himnusz) // Добрый великань. Tanulmányok Hetesi István tiszteletére. Pécs, 2007. О. 83–90.

³⁶ Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб., 2005.

³⁷ Kroó K. Klasszikus modernség. Egy Turgenyev-regény paradoxonjai. A Rugyin nyomról nyomra. Budapest, 2002; Кроо К. Интертекстуальная поэтика романа И. С. Тургенева «Рудин». Чтения по русской и европейской литературе. СПб., 2008.

³⁸ Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб., 2005. С. 227–272.

их эволюционного развития. Принципы текстопорождения с их метапоэтическими акцентами на текстуальности и интертекстуальный акцент на жанровом самоопределении в романах Достоевского взаимосвязаны, они требуют интерпретаций, учитывающих представленные в произведениях. Они дают о себе знать как о связанном корпусе, интегрирующем определенные типы жанра, литературного рода, персонажа и сюжета. Можно назвать этот феномен диахронической связностью культурных текстов, обнаруживаемых в их эволюции.

При изучении внутритекстовой связности (*text-coherence*, *text-connectedness*) выдвигается на передний план выяснение функции медиаторских формаций. Они призваны подкрепить континуальность текста и когерентность развития в нем смыслопорождающих процессов, сочетать их разные фазы. Тем самым в качестве промежуточных звеньев они обеспечивают связность текста в его сюжетном развитии. С этой точки зрения Кроо рассмотрена семантическая конструкция образа Ставрогина и Кириллова в свете последовательных ветхо- и новозаветных аллюзий — «Исповедь Ставрогина» (глава 10-я «У Тихона»). Показано, как медиаторские конструкции придают текстовой динамике определенную последовательность.

В таком методологическом ключе дан анализ эпизодов, связанных с преступлением Раскольникова³⁹. Посредническая роль описания убийства оценена путем обнаружения его двойственной смысловой перспективы, возникающей за счет процедуры реметафоризации. В результате проекции мотивов изображения поступка Раскольникова на мотивы написанной им статьи, и эквивалентности этих единиц другим мотивным вариантам, фигурирующим в романе (сравниваются, например, колесо и колея), разоблачается противоречивость убийства. В определении персонажа наглядны два разных смысловых ориентира (преступление как своего рода «новое слово» и как эпигонский повтор «старого слова»). В качестве медиаторской формации благодаря своей внутренней смысловой амбивалентности эти эпизоды способны сочетать два этапа семантической трансформации, сдвигая одно значение в сторону другого⁴⁰.

В рамках данной проблематики ставится также вопрос о начале и завершении смыслопорождающих процессов. В этом плане рассмо-

---

³⁹ «Роман Достоевского „Преступление и наказание“ в свете медиаторских семантических формаций — семиотическое толкование»: *Króó K. Dosztojevskij «Bűn és bűnhődés» című regénye a közvetítő jelentésalakzatok fényében (szemiotikai értelmezés) // Puskindól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből 2. Budapest, 2006. O. 205–255.*

⁴⁰ Эта же закономерность изучается и в английской статье: *Króó K. On a special case of meaning-emergence in the literary text. The function of semantic formations with «contradictory» sense-orientation in the process of poetic meaning evolution // Semiotica. 2008. Vol. 170, N 4. P. 79–95.* Из других статей последних лет о «Преступлении и наказании» см., напр. «„Преступление и наказание“ — Гоголь, Достоевский (Толстой)»: *Króó K. «Bűn és bűnhődés» — Gogol, Dosztojevskij (Tolsztoj) // Irodalomtanítás a harmadik évezredben. Budapest, Krónika Nova Kiadó, 2006. O. 754–761.*

трена повесть «Двойник», а также роман «Бесы», один из аллюзивных слоев которого улавливается через сходную художественную концептуализацию времени в платоновском диалоге «Политик»⁴¹. Указаны формы тематизации и семантизации времени в названных произведениях, отмечена установка на мотив и сюжетную схему завершения начатых жизни и текста, которые довольно часто оказываются связанными с изложением ложной репродукции и/или истинного, креативного завершения мысли. В этом контексте моделирования времени еще раз подчеркнуты сильная авторефлексивная ориентированность произведений Достоевского, а также постановка писателем вопроса об онтологии текстуальности, ее динамике и потребности возобновления слова и текста.

В двух других статьях использование Платоном и Достоевским мифологии трактуется при помощи различения типов дискурса, моделированных в диалоге «Политик» и в романе «Бесы»⁴². Здесь подробно изучаются мотивы бесовской (дурной) бесконечности, нерасчлененного, несегментированного времени и определяется форма семантизации Солнца в русле осмысления категорий времени и пространства. В характеристику наделяния пространства и времени знаками отмеченности и дискретности встраивается и толкование памяти, соотнесенной с проблематикой письма и текста, а также вопрос об их завершенности. Данные смысловые аспекты раскрыты в сравнении диалога Платона «Политик» и «Последнего дня приговоренного к смерти» В. Гюго с романом Достоевского «Бесы».

Теме связности текста и функции медиаторского посредничества в процессах текстоорождения была посвящена недавно опубликованная докторская диссертация К. Кроо⁴³. Проблема когерентности текста

---

⁴¹ *Кроо К.* Аспекты семантического опознавания текста в свете проблемы ложной репродукции и истинного завершения: По поводу платоновского интертекста в романе «Бесы» // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues* / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур. Budapest: ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies». P. 276–286.

⁴² Статья «Временная проблематика мифа Золотого века. О мотивах времени в толковании мифа Платоном, Достоевским и Виктором Гюго»: *Króó K.* Az aranykor-mítosz időgondolatköre. Platón, Dosztojevsvkij és Victor Hugo mítoszértelmezésének idő-motívumairól // *Aranykor — Árkádia. Jelentés és irodalmi hagyományozódás (Párbeszéd-kötetek 3)*. Budapest, 2007. O. 184–231; *Króó K.* From Plato's Myth of the Golden Age in Statesman to Dostoevsky's «Devils». The idea of time as reflecting the problem of initiating, continuing and completing discourses in the light of Plato's and Dostoevsky's poetic elaboration of the myth // *Russian Text (19th Century) and Antiquity* / Русский текст (19 век) и античность. Budapest–Tartu, 2008. P. 355–391; *Кроо К.* Динамика «жанра в жанре» в русле интертекстуальности: движущиеся границы «текстов в текстах» (Опыт анализа «романа» Достоевского «Белые ночи») // *Text within Text — Culture within Culture* / Ed. by Kroó K. and Torop P. Budapest–Tartu, 2014 (в печати). С. 137–175.

⁴³ См. «Литературный континуитет. Поэтика медиаторских формаций в произведениях Достоевского»: *Króó K.* Irodalmi szövegfoltonosság. A közvetítő alakzatok poétikája Dosztojevsvkij alkotásaiban. Budapest, 2012.

в данной работе освещена в историко-интертекстуальной перспективе (диахроническая связность культурных текстов) и в аспектах внутри-текстовой динамики смыслопорождения. В этом плане интерпретирован «сентиментальный роман» Достоевского «Белые ночи». В этой работе выполнена задача по раскрытию роли медиаторских формаций в процессах сюжетной семантизации. Особое внимание уделено тургеневскому эпиграфу и разворачиванию мотива цветка в разных вариантах его преобразования: как сквозь описание петербургского видения героя, так и в интертекстуальных элегических сюжетах, вплоть до широкого контекста выражения героем его благодарности Настеньке «за минуту счастья». Разъясняется, как создаются все новые и новые этапы семантического медиаторства, управляя ходом смыслопорождения, например сдвигом от петербургского видения к изображению мечтаний героя. Интерпретируется системность интертекстов, главными свойствами которых являются, с одной стороны, их жанровая принадлежность к элегии (представленной прежде всего текстами Пушкина, Плещеева и Тургенева), а с другой — их структурированность с помощью «собирательного» элегического интертекста, рамки которого создаются стихотворением Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Отдельные главы посвящены аллюзиям на «Невский проспект» Гоголя и парадигме сентиментализма, сформулированной в статье Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии», а также теме соотношения природы и культуры, затронутой в статье Шиллера и присутствующей в романе Достоевского. В жанровом и родовом плане роман «Белые ночи» определяется как элегическая проза⁴⁴.

Научные труды Г. Ш. Хорвата (Géza S. Horváth) о поэтике Достоевского достаточно полно описаны в упомянутом выше обзоре венгерской достоевистики⁴⁵, где был освещен пройденный исследователем путь от исследования мифопоэтики в «Братьях Карамазовых»⁴⁶ к изучению поэтики письма в «Подростке»⁴⁷. Важное место в на-

---

⁴⁴ О «Белых ночах» на русском и английском языках см.: Кроо К. Тема времени в аспекте минутности и целостности в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи» // *Studia Slavica Savariensis*. 2008. N 1–2. С. 165–180; Кроо К. Intermediary Semantic Formations in «White Nights» // *Aspects of Dostoevskii. Art, Ethics and Faith. Studies in Slavic Literature and Poetics*. 2012. Vol. LVII. P. 27–49; Кроо К. Проблематика жанра и модальности в «Белых ночах» Достоевского (К вопросу элегического начала в прозаическом эпическом произведении) // *Dostoevsky Studies. New series*. 2012. Vol. 16. С. 59–72; Кроо К. The Poetic Relevance of Gogol's «Nevsky Prospect» in Dostoevsky's «White Nights» // *From Petersburg to Bloomington. Studies Presented in Honor of Nina Perlina. Indiana Slavic Studies*. 2012. Vol. 18. P. 161–176.

⁴⁵ Хорват Г. Ш. От мифопоэтики к поэтике письма // *Достоевский и XX век*. М., 2007. Т. 2. С. 515–521.

⁴⁶ Хорват Г. Ш. Основной миф в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Slavica Tergestina*. Vol. 3. *Studia comparata et russica*. Trieste, 1995. С. 143–166.

⁴⁷ См. «Персональное повествование в романе „Подросток“ Ф. М. Достоевского»: Horváth G. S. A perszonális elbeszélés Dosztojevszkij «A kamasz» című regényében // *A szótól*

учном творчестве Г.Ш. Хорвата занимает монография о романе «Подросток»⁴⁸, где решается ряд задач: 1) раскрыть смысл становления личности Аркадия Долгорукого, реализованного в сюжете, где обнаруживается феномен «загадки» и связанная с ним особая событийность, основанная на стремлении героя дешифровать реальность и найти путь выхода из своего «подросткового» состояния; 2) проследить трансформацию говорящего/записывающего субъекта, по ходу которой создается новый способ текстопорождения и наблюдается становление персонажа в сфере текста; 3) истолковать превращение персонажа в творца знаков с его собственным «персональным» семантическим полем; 4) определить закономерности перехода умозрительной идеи к языковому выражению, от рецепции к творчеству с персонализацией языка. Этот круг вопросов Г.Ш. Хорват решает с помощью осмысления текста в контексте истории русского классического романа, где делается акцент на известной теме «петербургского текста/романа» и «вечной истории», а также на вопросе о жанре произведения, связанном с западноевропейской традицией. Для этого Хорват помещает свое исследование в соответствующий контекст, делая отсылки «к европейским и русским разнovidностям жанра *Ich-Erzählung*'а, — к автобиографическому рассказу и роману-исповеди»⁴⁹. По мнению Г.Ш. Хорвата, в романе «Подросток» содержится интенция создания «личного жанра» в ходе «нарративной персонализации» воспроизведенных жанров⁵⁰. В книге отдельно изучены тексты, в которых рассматривается художественная символика клада, кладоискания и обогащения («Скупой рыцарь» Пушкина и др.). Это позволяет автору обнаружить принципы конструирования художественного языка писателя в свете того, что метафоризация и символизация клада, как и интертекстуальный план романа, возводятся в семантический статус метатекстового определения оценки письма.

В работах последних лет Г.Ш. Хорват предпринимает попытки обнаружить закономерности онтологического статуса письма в разных фазах художественного слова и героя, и автора, а также изучить это явление в разных типах его отношения к устной речи. Такой подход осуществлен

---

a szövegig és tovább. Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből. Budapest, 1999. O. 380–410; *Horváth G. S.* Poetics of Writing in Dostoevsky's Adolescent // *The Dostoevsky J. An Independent Rev.* 2009–2010. Vol. 10–11. P. 1–11.

⁴⁸ См. «Поэтические формы у Достоевского. Персональное повествование в романе „Подросток“ Ф. М. Достоевского»: *Horváth G. S.* *Dosztöjovszkij költői formái. A személyes elbeszélés «A kamasz» című regényben.* Budapest: Argumentum, 2002.

⁴⁹ *Хорват Г.Ш.* От мифопоэтики к поэтике письма // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 520. См. напр.: «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Давид Копперфильд» Ч. Диккенса и трилогию «Детство. Отрочество. Юность» Л. Н. Толстого.

⁵⁰ *Хорват Г.Ш.* От мифопоэтики к поэтике письма // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 520, 521.

на материале двух произведений Достоевского: «Бесы» (с исповедью Ставрогина в центре внимания⁵¹) и «Кроткая»⁵².

Исследователем показано, как «фантастическая» характеристика повествования в «Кроткой» связана с онтологией внутренней речи персонажей, которая толкуется в качестве определенной фазы мышления, предшествующей внешней речи и записи. В контексте генезиса самого текста Достоевского изучена фигура читателя, который читает с установкой на звучание письменной речи, интериоризируя смысл переходов между письменными и устными проявлениями текстопорождения. В фокусе интересов Г.Ш. Хорвата находится поэтическая онтология письма в ее связи с онтологией речевого поведения, поэтическая философия существования в разных сферах, фазах и медиумах устных и письменных высказываний героев — бытия в речи и в письменном дискурсе субъекта знака как личности. Герои произведений писателя не только переживают и выражают свой опыт, но и превращают его в некое представление; отсюда само произведение Достоевского оказывается некоей записью перформанса. В поэтическом языке «Кроткой» Г.Ш. Хорват обнаруживает феномены «стенограммы», связывающей внутреннее слово говорящего и письменные знаки субъекта текста, обретения субъектом речи онтологического статуса наличия/наличествования путем «освоения» времени (интериоризации «мига»), сгущения мысли и дискурсивного схождения «в точку».

В поэтике «Бесов» освещается соотношение биографического слоя и вымысла в качестве различных фаз формирования мышления и речи и скрывающейся в их очередных формах и самом дискурсивном письме повествующей индивидуальности (субъект биографии, имажинации и фигуры-персоны как субъекта текста). Эти типы личностной субъектности представляют собой разные этапы и онтологические формы выхода за границы обыденного «я». В исследовании освещены различные

---

⁵¹ См. «Условная исповедь и становление текста романа. Достоевский: „Бесы“»: *Horváth G. S. Fiktív vallomás és szövegműködés. Dosztojevszkij: «Ördögök» // Iskolakultúra. 2006. N 5. O. 28–41; а также «Видение, нарратив о золотом веке и исповедь. Руссо: „Исповедь“, Достоевский: „Бесы“»: *Horváth G. S. Imagináció, aranykor-narratíva és vallomás. Rousseau: «Vallomások», Dosztojevszkij: «Ördögök» // Puskintól Tolsztojig és tovább. Budapest, 2006. O. 257–301.**

⁵² См. «От фантастического дискурса к „звукписи“ Достоевского. Достоевский: „Кроткая“, Виктор Гюго: „Последний день приговоренного к смерти“»: *Horváth G. S. A fantasztikus diskurzustól a «hangírásig». Dosztojevszkij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraitélt utolsó napja» // Elbeszélés és prózanyelv. Budapest, 2010. O. 24–45; а также «Фикция и медиальность в внутреннем монологе. Достоевский: „Кроткая“, Виктор Гюго: „Последний день приговоренного к смерти“»: *Horváth G. S. Fikció és medialitás a belső monológban. Dosztojevszkij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraitélt utolsó napja» // Regények, médiumok, kultúrák. Budapest, 2010. O. 141–160; *Хорват Г.Ш. Фантастический дискурс у Достоевского. Внутреннее слово героя и проблема письма в «Кроткой» // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов. Dostoevsky Monographs. СПб., 2011. Т. 2. С. 133–152.***

воплощения персонального присутствия в речи и письме (в том числе и в их интертекстуальном проявлении), воображения (имажинации) и создания условной реальности. В качестве материала для создаваемой типологии Г. Ш. Хорватом использованы романы «Бесы» и «Подросток», последний, согласно мнению исследователя, содержит аллюзию на произведения Руссо⁵³. В «Бесах» содержится ряд аллюзий на «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина⁵⁴, в «Кроткой» исследователем обнаружены аллюзии на «Фауста» Гете и «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго⁵⁵.

С иной точки зрения, в культурно-историческом и философском ключе, проблемный круг соотношения биографии и художественного слова в творчестве Достоевского поднимает А. Дуккон (Ágnes Dukkon), защитившая диссертацию о творческих взаимоотношениях Белинского и Достоевского (1990), а затем опубликовавшая монографию на ту же тему⁵⁶. В ней тема изучена на материале статей и писем Белинского, а также известных воспоминаний Достоевского, использован обширный историко-литературный материал. В центре внимания исследовательницы находится феномен двойничества в философском, эстетическом и психологическом аспектах; формируется концепция «внутреннего человека» в личностях Белинского и Достоевского в связи с вопросом о том, как понятия *лицо* и *маска* определяют ряд вариантов раздвоения личности.

Книге исследовательницы предшествовал ряд статей, в которых рассматривались различные аспекты данной темы, к анализу привлечены литературные документы «замечательного десятилетия»: воспоминания П. Анненкова, переписка Н. Станкевича, В. Боткина, М. Бакунина⁵⁷, целью исследовательницы является выяснение «психограммы» Белинского. В статье находит свое подтверждение вывод А. С. Долинина: «Двойник, преследующий его всю жизнь, выросший в его сердце

---

⁵³ См.: Horváth G. S. Imagináció, aranykor-narratíva és vallomás // Puskintól Tolsztojig és tovább. Budapest, 2006. O. 257–301.

⁵⁴ Horváth G. S. Fiktív vallomás és szövegműködés. Dosztojevskij: «Örödgök» // Iskolakultúra. 2006. N 5. O. 30–36.

⁵⁵ Horváth G. S. A fantasztikus diskurzustól a «hangírásig». Dosztojevskij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraítélt utolsó napja» // Elbeszélés és prózanyelv. Szerk.: Horváth K. Budapest: Ráció, 2010. O. 24–45; Horváth G. S. Fikció és medialitás a belső monológban. Dosztojevskij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraítélt utolsó napja» // Regények, médiumok, kultúrák (Diszkurzívák 10). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2010. O. 141–160; Хорват Г. Ш. Фантастический дискурс у Достоевского. Внутреннее слово героя и проблема письма в «Кроткой» // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов // Dostoevsky Monographs. A Serial of the Intern. Dostoevsky Soc. Vol. 2. СПб., 2011. C. 140–146.

⁵⁶ См. «Лица и маски. Достоевский и Белинский»: Dukkon Á. Arcok és álarok. Dosztojevskij és Belinszkij. Budapest: Tankönyvkiadó, 1992.

⁵⁷ Дуккон А. К вопросу о некоторых проблемах оценки расхождений между Достоевским и Белинским // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae. XV. 1982. P. 67–84.

неотрывными краями — таков Белинский для Достоевского»⁵⁸. В своей работе Дуккон использует методы экзистенциальной философии, опирается на концепцию С. Кьеркегора о различных «стадиях» пути человека, идущего от «эстетической» через «этическую» к «религиозной сфере» бытия. Упомянутой монографии Дуккон предшествовала работа, в которой было установлено, что шиллеровское «прекрасное и высокое» у Белинского, Достоевского и Ницше видоизменялось под влиянием книги «Единственный и его достояние» М. Штирнера (Max Stirner): у всех трех мыслителей гротескное или трагическое чувство тоски по абсолютным ценностям сочетается с жестоким бунтом и отрицанием общепринятых ценностей⁵⁹. Интерес к книге Штирнера в определенные периоды у всех трех авторов, по мнению Дуккон, свидетельствует о том, что литературные воплощения идеи сверхчеловека у них в равной степени мотивированы глубоким духовным кризисом.

Дуккон рассматривает также вопрос о прототипе «подпольного человека», обнаруживая ряд его черт (самоанализ, саморазоблачение, вера-неверие, ощущение парадоксальности собственной личности и «донкихотства»), которые также связаны с творческим кредо Белинского и его произведениями⁶⁰. По мнению Дуккон, различие заключается в том, что адресат текстов Белинского — реальный человек (см. отношение я-ты), в то время как адресат «подпольного» — безликий, «общий» «другой», в последнем случае возникает псевдиалог с демонизированным двойником. Той же проблеме «двойничества» посвящена статья Дуккон о Достоевском и Гоголе⁶¹, а в другом контексте — работа «Белинский и Достоевский»⁶². Исследовательница указывает на «Записки из подполья» как на связующее звено в ряду ранних и поздних изображений двойника в произведениях Достоевского, равно как и последующую фазу оформления героя, берущего свое начало в образе мечтателя «Белых ночей» и «Петербургских сновидений». Теме снов и сновидений в раннем творчестве Достоевского посвящена специальная статья⁶³, где анализи-

---

⁵⁸ Там же. С. 84. Ср.: Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. Письма. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 10.

⁵⁹ Дуккон А. Жизнь и литературная фикция в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae XVIII. 1986. P. 185–209.

⁶⁰ См. «Автор–герой–прототип. Примечания к литературному фону повести Достоевского „Записки из подполья“»: Dukkón Á. Szerző–hős–prototípus. Adalékok Dosztojevskij «Feljegyzések az egérlyukból» című kisregényének irodalmi háttéréhez // Tanárképzés és tudomány. Budapest, 1987. Т. 2. О. 270–291; см. также: Дуккон А. Жизнь и литературная фикция в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae XVIII. 1986. С. 185–209.

⁶¹ Дуккон А. Проблема двойника у Гоголя и Достоевского // Studia Slavica Hung. 1987. N 1–4. P. 207–221.

⁶² См. «Белинский и Достоевский»: Dukkón Á. Belinskij und Dostojevskij // Studia Slavica Hung. 1993. Т. 38, N 1–2. О. 3–7.

⁶³ Dukkón Á. Conception of the Dream and the Vision in Dostoevskij's Early Novels // Studia Slavica Hung. Т. 42. 1997. О. 245–253.

руется круг произведений литературных предшественников писателя, обращавшихся к этой теме (В. Жуковского, А. Погорельского, Э. Гофмана, А. Пушкина, Н. Гоголя, см. анализ «Хозяйки»), и исследуется ряд художественных выражений «сон–мечта–греза–бред».

Об интересе Дуккон к проблеме генезиса и восприятия творчества Достоевского в разных научных и культурных контекстах свидетельствует, помимо прочего, постановка проблемного круга психологии (см. тему «Достоевский и творчество Э. Гофмана и К. Г. Каруса»)⁶⁴. С такой установкой связано и то, что Дуккон пытается выяснить аспекты восприятия Достоевского в Венгрии на фоне философской и духовной культуры разных эпох, в частности венгерского протестантизма⁶⁵. Симптоматична ситуация, описанная исследовательницей в статье «Духовный фон венгерского культа Достоевского между двумя мировыми войнами»⁶⁶, когда в 1920-е гг. в Будапеште два издательства соперничали в праве на издание собрания сочинений Достоевского на венгерском языке. Произведения Достоевского переводились с оригинала, а выход в свет отдельных томов сопровождался критическими отзывами и рецензиями, содержательным анализом текстов, сделанным в большинстве случаев лучшими представителями венгерской культуры. В упомянутой статье Дуккон обнажила богатую духовно-культурную основу этого материала и указала ряд перекликающихся мыслей венгерских и зарубежных интерпретаторов Достоевского (труды Г. Гессе, А. Жида, Н. Бердяева были известны и в Венгрии). В статье «Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–1940-е гг. в ключе экзистенциальной философии» Дуккон ищет ответ на следующие вопросы: какие взгляды появились в интерпретациях творчества Достоевского со стороны венгерских протестантских теологов; чем объясняются созвучия их концепций с концепциями европейских, в том числе и русских, мыслителей?⁶⁷ В венгерской протестантской теологии 1920–1930-х гг. чувствовалось стремление к обновлению привычных взглядов, а также влияние экзистенциальной философии (С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Н. Бердяева). Книга швейцарского богослова-кальвиниста Э. Турнейзена⁶⁸ имела большой успех в кругу венгерских кальвинистов и их единомышленников⁶⁹. Указывая на общие

⁶⁴ Ср., например, постановку вопроса лермонтовских аллюзий в романах Достоевского в статье: *Dukkon Á. Revolt and Suffering in the Lermontov's World and its Reflection by Dostoevsky // Sub Rosa. In honorem Lenae Szilárd. Budapest, 2005. P. 133–138.*

⁶⁵ См.: *Дуккон А. Ф. М. Достоевский в интерпретации венгерских протестантских теологов в 1920–1940-е гг. // Русский язык и литература в общении народов мира. М., 1990. Т. 2. С. 40–41.*

⁶⁶ *Dukkon Á. A két világháború közötti magyar Dosztojevskij-kultusz szellemi háttere // Protestáns Szemle. 1992. N 4. O. 258–270.*

⁶⁷ *Дуккон А. Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–1940-е годы в ключе экзистенциальной философии // Studia Slavica Hung. 2007. Т. 52. № 1–2. С. 87–94.*

⁶⁸ *Thurneysen E. Dostojewski. Zürich; Stuttgart: Zwingli Verlag, 1963.*

⁶⁹ См. статьи К. Уйсаши, Л. Ватаи, унитариянского епископа и философа Б. Варги: *Ujszászy K. Dosztojevskij // Péntek estéék. Sárospatak, 1935. O. 15–25; Vatai L. Dosztojevskij.*

элементы в мышлении Бахтина и Ватаи (концепции диалога и свободно-ответственного поступка и др.), Дуккон утверждает, что их компоненты вытекают из общего источника — философского персонализма⁷⁰.

В статье унитариянского епископа и философа Бела Варги (Béla Varga) 1929 г., в которой сравнивается «фаустовский дух» с духом «карамазовским», указано на идейную новизну романа Достоевского⁷¹. К. Уйсаси (K. Ujszászy), находясь под влиянием экзистенциальной философии, посвящает статью 1935 г. типологии характеров «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»⁷². Оригинальную интерпретацию творчества Достоевского предлагает Ласло Ватаи (László Vatai)⁷³. Следуя логике протестантского богословия, а также часто ссылаясь на английский перевод труда Н. Бердяева «Мирозерцание Достоевского», Ватаи разворачивает концепцию «философии субъективного жизнеощущения», как на это указывает само название его книги: «Достоевский. Субъективное ощущение жизненной философии»⁷⁴.

А. Хаваша (Ágnes Havasi) в своей диссертации и последовавшей за ней монографии изучала церковные таинства православия и проблему изображения положительного героя в романах Достоевского с целью осветить теологически-идейные контексты данного типа изображения⁷⁵. Хаваша определяет свой подход как «комплексный исторический метод», поскольку наряду с исследованием широкого круга текстов, связанных с данной темой (текстовыми вариантами, записками и т. д.), она опирается также на религиоведение, культурологию и искусствоведение. Согласно мнению Хаваша, содержащиеся в этих научных дисциплинах методики могут предоставить новые возможности для изучения творчества Достоевского и привести исследование к ме-

---

Dosztójevszkij: A szubjektív életérzés filozófiája. Debrecen, 1992. [Первое венгерское издание: 1942.] Ср. англ. перевод: *Vatai L. Man and his tragic life, based on Dostoevsky.* New York, 1954; а также опубликованную в Трансильванском литературном обозрении статью «Фаустовская и карамазовская душа»: *Varga B. A fausti és a karamazovi lélek // Erdélyi Irodalmi Szemle.* 1929. N 2–4. О. 230–240.

⁷⁰ См. еще об общих источниках Бахтина и Ватаи в статье «Случайное совпадение или духовная родственность? Соприкосновения в интерпретациях диалектики Достоевского Бахтиным и венгерским кальвинистским богословом Ласло Ватаи»: *Dukkon Á. Véletlen hasonlóság vagy szellemi rokonság? Érintkezési pontok Dosztójevszkij dialektikájának bahtyini koncepciójában és Vatai László református teológus értelmezésében // Confessio.* 1991. N 4. О. 60–68.

⁷¹ *Varga B. A fausti és a karamazovi lélek. Székfoglaló az Erdélyi Irodalmi Társaságban* 1929. máj. 12-én. Kolozsvár, 1929. О. 230–240.

⁷² *Ujszászy K. Dosztójevszkij // Péntek esték.* Sárospatak, 1935. О. 15–25.

⁷³ *Vatai L. Dosztójevszkij: A szubjektív életérzés filozófiája.* Debrecen, 1992. (Первое венгерское издание: 1942 г.)

⁷⁴ Л. Ватаи в своей монографии не указывает конкретное издание книги Н. Бердяева «Мирозерцание Достоевского».

⁷⁵ См. «Святые Достоевского. Православное церковное происхождение положительно-красивых героев у Достоевского»: *Havasi Á. Dosztójevszkij szentjei. A pozitív szépségű hősök ortodox egyházi eredete.* Budapest: Pápa, 2008.

тодологическому синтезу, не ограничиваясь рамками поэтической, мифопоэтической, нарратологической, философской, психологической или фольклорной методологии. Исходным методологическим пунктом своего исследования Хаваши считает теорему Ю. Тынянова о «литературном факте». Исследовательница применяет эту концепцию для изучения отношения персонажей Достоевского к православной церкви, в частности того, как нравственный идеал православного типа влияет на создание литературного героя.

Следуя своей цели, Хаваши последовательно описывает христоподобные образы персонажей Достоевского: князя Мышкина («Идиот»), старца Тихона («Бесы»), Макара Долгорукого («Подросток»), Зосиму и Алешу («Братья Карамазовы»), а также Христа в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» как его единственное непосредственное отображение в творчестве Достоевского. Критерием отбора персонажей было их отношение к православной святости, а также одаренность свойством «благообразия», в связи с этим в круг исследуемых персонажей не попала Соня Мармеладова. Герои Достоевского в пределах этой концепции объяснены как типы (юродивого, странника и старца/монаха) и как словесное воплощение Христова лика (иконы).

В своей работе на тему «Христианские мотивы в романе Достоевского „Идиот“»⁷⁶ В. Лепяхин предлагает выделить ряд форм использования христианских мотивов в романе «Идиот»:

- 1) прямые и скрытые цитаты из Нового завета, парафразы;
- 2) толкование и переосмысление евангельских стихов;
- 3) постановка евангельских заповедей в пограничные ситуации, перевод заповедей в экзистенциальный план (см. поступки-реакции персонажей);
- 4) использование евангельских ситуаций в приземленном контексте;
- 5) использование христианской символики;
- 6) введение в роман религиозно-публицистических дискуссионных тем (вера и неверие, религия и атеизм, православие и католичество, социализм и атеизм, религиозное искусство);
- 7) изображение «положительно прекрасного человека» (князь — Христос).

В работах исследователя развернуты аспекты отображения иконы в контексте творчества и биографии Достоевского, включая истолкования иконных сцен в романах Достоевского и вопроса о влиянии древнерусских сказаний о чудотворных иконах на сюжеты некоторых произведений Достоевского⁷⁷. В главе «Достоевский: икона и образ» своей монографии Лепяхин впервые в литературоведении подробно

⁷⁶ Лепяхин В. Христианские мотивы в романе Достоевского «Идиот». Дис. ... PhD / Университет Аттила Йожефа. Сегед, 1983; ср.: Лепяхин В. Христианские мотивы в романе Достоевского «Идиот» // *Dissertationes Slavicae*. XVI. Szeged, 1984. С. 65–92.

⁷⁷ См., напр.: Лепяхин В. Икона в русской литературе XIX века // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Вып. 1–2. С. 187–207.

рассматривает разные аспекты влияния иконы и иконопочитания на личную жизнь, мирозерцание и художественное творчество писателя⁷⁸. Особое внимание уделено тем эпизодам, когда икона играет заметную роль в построении сюжета всего произведения или отдельной его части. В рассуждениях о значении и предназначении иконы⁷⁹ Лепяхин обращает основное внимание на три проблемы: 1) символическое «присутствие» иконы в романах писателя, 2) описание «красного угла» у героев и персонажей, 3) богословие образа Достоевского (в частности понимание человека как образа Божия)⁸⁰. В центре внимания исследователя стоят романы «Братья Карамазовы» (эпизод с матерью Алеши, стоящей перед образом, а также красный угол в келье старца Зосимы), «Бесы» (беседа Кириллова со Ставрогиным перед красным углом, в котором зажжена лампада) и рассказ «Кроткая» (перенос иконы, принадлежащей героине рассказа, в красный угол дома будущего мужа). В одной из последних статей⁸¹ Лепяхин выделил три подхода к освещению видов экфрасиса в творчестве Достоевского. Первый основан на специфике объекта описания: святое место, город, архитектурный памятник, живописное полотно, портрет, предмет прикладного искусства и т. п. (макроклассификация по областям искусства и микроклассификация по жанрам). Второй подход — классификация на основе реальности или фиктивности объекта экфрасиса (*экфрасис-проект* — описание живописного произведения в условном наклонении; *экфрасис-фикция* — описание несуществующего произведения как существующего, реального, и *экфрасис реального произведения*). Третий подход основан на характере взаимосвязи между экфрасисом и его объектом (экфрасис-цитация; экфрасис-перевод; экфрасис-психологизация; экфрасис-впечатление или «заражение» — термин, введенный Л. Толстым; экфрасис-предпонимание). Последним материалом по исследуемой теме является статья обобщающего характера, посвященная значению иконы в русской литературе XIX в.⁸²

---

⁷⁸ Лепяхин В. Достоевский: икона и образ // Икона в изящной словесности. Икона, иконопись, иконописцы, иконопочитание и иконные лавки в русской художественной литературе XIX — начала XX века. Szeged, 1999. С. 191–217.

⁷⁹ Лепяхин В. В. Значение и предназначение иконы. Икона в Церкви, в государственной и личной жизни — по богословским, искусствоведческим, историческим, этнографическим и литературно-художественным источникам. М.: Паломник, 2003. С. 362–367.

⁸⁰ Лепяхин В. Красный угол в русской литературе XIX–XX веков // Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М., 2005. С. 229–237.

⁸¹ Лепяхин В. Виды экфрасиса в творчестве Достоевского // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур. Budapest: ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies», 2009. С. 315–322.

⁸² Лепяхин В. Икона в русской литературе XIX века // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Вып. 1–2. С. 187–207.

Т. Сабо (Tünde Szabó) в своей диссертации выдвигает на передний план смысловое определение иконы в произведениях Достоевского⁸³. Икона оказывается сказана с поэтикой изображения женских фигур. Методологическую сердцевину подхода к женским персонажам составляет постановка вопроса об их поэтической функции на основе тщательного анализа трех произведений Достоевского («Хозяйка», «Униженные и оскорбленные», «Кроткая»). В рамках данной темы исследованы следующие аспекты :

1) вопрос о мужских персонажах поставлен в контекст истории концептуализации героя;

2) образы героя и героини определены в их функциональной взаимосвязанности;

3) толкование текстов на уровне их тематическо-мотивной системности происходит путем выяснения связи внутри- и внетекстовых знаковых систем, составляющих, по мнению Сабо, семантическую парадигму с мотивом «образ», «икона»;

4) семантика «иконы» в итоге определена как вторая поэтически-идейная система, трансформирующая ту исходную картину мира, представителем которой является герой. Героиня мотивирует не только преобразование героя в сюжете, но — либо через свои атрибуты иконы Богоматери, либо через связи с Евангелием и с образом Христа — женская фигура способствует созданию формы обозначения через «иконный или вербальный образ».

Другое направление исследовательского труда Сабо по поэтике Достоевского связано с ее интересом к романной поэтике венгерского писателя Шандора Марай (Sándor Márai). Проанализировав романы «Развод в городе Буда» («Válás Budán», 1935), «Угольки» («A gyertyák csonkig égnek», 1942) и «Сестра» («A nővérg», 1946)⁸⁴, она приходит к выводу, что Марай глубоко воспринял художественный опыт Достоевского и Толстого как в плане идейного замысла их произведений, так и в плане художественной формы. Согласно размышлениям Сабо, в основе ранних романов Марай неоднократно встречается сюжетная схема, однозначно восходящая к роману Достоевского «Идиот». В любовных треугольниках (часто не реализованных в конкретных случаях), которые описаны в этих романах, героиня мечется между двумя героями, находящимися в дружеских отношениях, или названными братьями, и впоследствии оказывается убитой. Но онтологическая проблема, стоящая за этой сюжетной схемой, сформирована иначе, чем у Достоевского. Марай волнует прежде всего конфликт между разумом и инстинктами как в личной жизни, так и в

⁸³ См. «Иконичность женских образов в произведениях Ф.М. Достоевского»: Szabó T. Nőalakok és ikonicitás F.M. Dosztojevszkij műveiben. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2001.

⁸⁴ Szabó T. A szerelem emlékezete. Három Márai-regény. Budapest: Orosz Irodalom és Irodalomkutatás ELTE Doktori Program, 2010.

жизни социума, в его произведениях изображены образованные мещане, жители большого города. Мараи остро чувствует и переживает разложение созданной и поддержанной мещанским классом культуры и изображает этот процесс, подобно Толстому и Достоевскому, через распад семьи и брака, через измененные отношения между женщиной и мужчиной. В центре наиболее популярного романа Мараи «Угольки» также стоят разрушающиеся брак и дружба главных героев, а важнейшим претекстом произведения является повесть Достоевского «Кроткая», как это утверждает сопоставительный анализ двух произведений.

Из двух статей Сабо об «Игроке» Достоевского во второй обращает на себя внимание концептуализация теории хаоса, которая интересует исследовательницу с точки зрения особого типа моделирования уже знакомой/известной данности (ср. понятие «фракталы»)⁸⁵. По мнению Сабо, можно утверждать, что фрактальная структура, проявляющаяся в семантической изоморфии разных уровней произведения, регулирует и его смысловую интерпретацию. В «Игроке», как считает Сабо, таким многоуровневым регулятором является «форма», которая определяет исходную ситуацию романа, лежит в основе любовного конфликта и психологии главного героя, обнаруживается в культурно-мифологическом коде имен и атрибутов действующих в сюжете лиц, проявляется в центральном символе романа, в движении и построении событий и, наконец, продуцируется на метауровне романа как проблема творческого искания новой формы.

Сравнительный мифопоэтический анализ «Бесов» Достоевского, «Серебряного голубя» А. Белого и «Вольфа Солента» Дж.К. Поуиса был предпринят А. Рейхманн (Angelika Reichmann)⁸⁶. В качестве методологической основы для исследования она избрала мифокритику Э. Гулда со специфическим фокусом на языке, как он толкуется в психоанализе Ж. Лакана, а также теорию карнавала М.М. Бахтина. При анализе также используются результаты мифопоэтических исследований М. Элиаде, Н. Фрая, Е. Мелетинского, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, а также психоаналитические истолкования мифа о Нарциссе (Ю. Кристевой) и явления нарциссизма (З. Фрейда, Ж. Лакана).

Рейхманн предложила новое прочтение исповеди Ставрогина и целой главы «У Тихона», в которой, по ее мнению, обнаруживается феномен нарративной идентичности — отражение попытки героя составить историю своего бессознательного в форме явно присутствующего

---

⁸⁵ Сабо Т. Тема искушения в «Игроке» Ф.М. Достоевского и в «Скупом рыцаре» А.С. Пушкина // Slavica. 2002. Т. XXXI. О. 123–133; Сабо Т. Теория хаоса и «Игрок» Достоевского // Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Riga, 2007. С. 36–44.

⁸⁶ См. «„Аллегории интенции“». Мифы идентичности в наследии Достоевского: Reichmann A. A «szándék allegóriái». Az identitás mítoszai Dosztojevszkij örökében. Diss. ... PhD / Debreceni Egyetem, 2005 [Электронный ресурс] // <http://ganymedes.lib.unideb.hu:8080/dea/handle/2437/3171> (дата обращения 05.01.14).

личного варианта общеизвестного мифа Золотого века. При этом в исповеди играют важную функцию и метафоры неявного мифа Нарцисса, предполагающие возможность альтернативной интерпретации главы. Рейхманн предполагает, что совместное присутствие этих двух мифов дает возможность для деконструктивного чтения исповеди, главы и, в конечном счете, всего романа Достоевского.

Другие части анализа «Бесов» демонстрируют, как два мифа параллельно влияют на формирование сюжета романа. Рейхманн показывает, что мотивы мифа о Золотом веке органически развиваются в тексте романа: они структурируют прочтение характера Ставрогина для других персонажей романа как вариации солярного героя, а хронотоп «Бесов» — как место и время сошествия солярного героя в преисподнюю. В заключение предполагается, что в то время как вариации мифа солярного героя деконструируются из-за амбивалентности их центральных метафор и самой метафоричности языка, «карнавальная преисподняя» романа лишает героя возможности возвращения и оптимистического развертывания нарратива.

Рейхманн также проводит психоаналитическую интерпретацию мотивов рассказывания истории как формы реализации нарративной идентичности, в результате чего в исповеди Ставрогина обнаруживаются феномены «бесконечной зеркальности», формирующие вариации мифемы истории Нарцисса и в других частях романа Достоевского. В конечном счете нарциссизм интерпретируется как текстопорождающая сила. В остальных главах диссертации Рейхманн модернистские романы «Серебряный голубь» и «Вольф Солент» истолковываются как чтения «Бесов». После выхода в свет своей диссертации Рейхманн более широко использовала компаративистский метод для изучения других английских модернистских романов в качестве пост-текстов «Бесов» Достоевского⁸⁷, в этом случае произведение Достоевского оказывается основой для идентификации персонального или национального нарратива.

Из других работ о творчестве Достоевского, вышедших в последнее время, следует отметить диссертацию Г. Шолти (Gergely Solti), посвященную роману «Идиот»⁸⁸, в которой по-новому осмыслены возможности повествования в свете поднятой в произведении проблемы рассказывания истории. Под «рассказыванием истории» исследователь

---

⁸⁷ См. «„Маленький Ставрогин“ Олдоса Хаксли — борьба с „Бесами“ Достоевского в романе „Контрапункт“»: *Reichmann A. Huxley's «Little Stavrogin» — Fighting Dostoevsky's «Devils» in «Point Counter Point» // Ann. Inst. Slavici Universitatis Debreceniensis. 2008. Vol. XXXVII. P. 133–152; а также «Под невозможным взглядом Запада. Русская идентичность в видении Джозефа Конрада»: *Reichmann A. Under the (Impossible) Gaze of the West. Joseph Conrad's Vision of Russianness // Ann. Inst. Slavici Universitatis Debreceniensis. 2011. Vol. XXXIX–XL. P. 247–265.**

⁸⁸ См. «„Идиот“ Достоевского. Оформление образа Мышкина в свете поэтической наррации»: *Solti G. Dosztojevszkij: «A félkegyelmű»: Miskin alakjának megformálása a poétikai történetmondás fényében. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2008.*

подразумевает не только повествовательную манеру или нарративные свойства изображения событий. Согласно данному описанию, рассказ — совокупность разных поэтических подсистем, в рамках которых складываются истории в разных формах обозначений и семантической реализации и с разными функциями. Рассказ — это поэтическая системность пересекающихся рядов ведения истории, которые приобретают свое единое, хотя и многосоставное, значение через образ главного героя романа — Мышкина. Уровни изучения этих рядов сводятся к толкованию разного типа событий. Это события, раскрывающиеся в первичном значении действия романа; события, толкуемые на мифопоэтическом уровне и способствующие формированию символической истории; события метафорически создающихся историй в плане интертекстуального и визуального оформления. В диссертации рассматривается взаимосвязь этих уровней, и этой взаимосвязью объясняется целостность истории, воплощенной в смысловом мире «Идиота». В исследовании также указывается, как разные способы создания истории действуют в качестве языка.

В истолковании этого произведения особое место получает выяснение смысла фигуры Мышкина — «Бедного рыцаря» с его межтекстовым сюжетом, в котором центральную роль играет мотив *служения*. Подобным образом интерпретируется и образ Настасьи Филипповны в роли интертекстуальной фигуры Клеопатры на фоне пушкинского интертекста «Египетских ночей». Благодаря такому разбору раскрывается смысл *сострадания* Мышкина; идея сострадания как полного участия в чужих судьбах мотивирует, по мнению Шолты, резкую постановку проблемы полноты и фрагментарности в «Идиоте», соотносенной с признаком разных типов фрагментарных рассказов, которые в целостной поэтической системе, тем не менее, выдают полную историю. С этим вопросом связано изучение в контексте картины «Христос в могиле» Г. Гольбейна-младшего метафоричности Христовой судьбы, реализующей идею красоты. Шолты предлагает концепцию интегральной истории, в которой через образ Мышкина создается единый романый текст Достоевского и слагается целое из системности фрагментарного⁸⁹.

---

⁸⁹ Обращу внимание и на новые статьи Шолты, опубликованные в последние годы, напр. «Развертывание утопической идеи в „Идиоте“ Достоевского. Мышкин, Настасья Филипповна и Клеопатра»: *Solti G. Az utópikus gondolat kiteljesítése Dosztojevskij «A félkegyelmű» című regényében. Miskin, Nasztaaszja Filippovna és Kleopátra // Utópiák és ellenutópiák. Párbeszéd-kötetek 4. Budapest, 2010. O. 113–129; а также Шолты Г. К истолкованию образа Настасьи Филипповны в свете пушкинских интертекстов. Об интертекстуальном смыслопорождении в романе Достоевского «Идиот» // In Honour of Peeter Torop 60. A Collection of Papers from Young Scholars. Budapest–Tartu, 2010. P. 208–227; кроме того, «Математическая идея в романе Достоевского. К толкованию неевклидовой геометрии»: *Solti G. A matematikai gondolat Dosztojevskij regényében. A «nemeuklideszi geometria» értelmezéséhez // In honorem Hetesi István 70. Olvasatok 3. Budapest, 2012. O. 112–126.**

А. Секереш (Adrienn Szekeres) в своем исследовании ставит перед собой цель создать типологию сновидений Раскольникова («Преступление и наказание»), изображенных в сюжете до совершения героем убийства⁹⁰. В связи с этим автор рассматривает ряд семантически-сюжетных эквивалентностей фигур сновидений и персонажей целого романа, приводя их в соотношение с разными воплощениями образа главного героя (Раскольников до убийства, в роли убийцы, в ходе перерождения и т. д.). Секереш сосредоточивается на аналитическом описании двух сновидений Раскольникова. В поисках их аллюзивного плана она обращается к стихотворениям «До сумерек» Н. А. Некрасова и «Три пальмы» М. Ю. Лермонтова. Она указывает на синтагматический ряд (в котором сновидения и их компоненты сюжетно и мотивически упорядочены), выявляя одновременно и феномен парадигматизации в мотивной системе изображения и сновидений, и романа в целом. С этой проблематикой связано в данной работе изучение композиционного и смыслоформирующего свойства «текста в тексте», и особенно в случае некрасовского интертекста — четкое расслоение пластов моделированных действительностей (сон о прошлом, воспоминание прошлого во сне, сюжетная память некрасовского стихотворения и т. д.)⁹¹.

К. Яхл (Katrin Jahl), исследуя «Преступление и наказание» Достоевского, изучала мифопоэтическую семантику кладоискания и личных имен в романе⁹².

В работе А. Хорват (Ágnes Horváth)⁹³ осмысливается поэтика коллектива в произведении Достоевского и в современной европейской культуре. В выяснении природы межличностных конфликтов в области коллективного существования автор опирается на философию С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Л. Шестова и Н. Бердяева, а также известную

⁹⁰ См. «Поэтика сновидений Раскольникова, предшествующих убийству, в романе Достоевского „Преступление и наказание“»: *Szekeres A. Raszkolnyikov gyilkosság előtti álmainak poétikája Dosztojevskij «Bűn és bűnhődés» című regényében*. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2008.

⁹¹ Выводы анализа на русском языке см.: *Szekeres A. Poetics of Raskolnikov's Dreams Prior to the Murder in Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment»*. Theses Diss. ... PhD / Eötvös Loránd University, Faculty of Arts. «Russian literature and literary research» PhD program. Budapest, 2008. [Электронный ресурс] // <http://doktori.btk.elte.hu/lit/csermeszekeresadrienn/thesis.pdf> (дата обращения 05.01.14); *Секереш А. Как «вписывается» слово Некрасова в текст Достоевского? «До сумерек» в «Преступлении и наказании»* // *Slavica Tergestina*. 2002. Т. 4. О. 137–157.

⁹² *Яхл К. Семантика «Преступления и наказания»*. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Будапешт, 2004; *Яхл К. Семантика «Преступления и наказания»*. Автореф. дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2004; *Яхл К. К мифопоэтическому пониманию «Преступления и наказания» (мотив клада)* // *Литературоведение XXI века. Анализ текста: метод и результат*. СПб., 1996. С. 172–178; *Яхл К. Сны Раскольникова в перспективе мифопоэтической традиции* // *Slavica Tergestina*. 1998. Т. 6. О. 55–101.

⁹³ См. «Прорыв романной формы. Попытки создания коллектива в романе Достоевского „Идиот“»: *Horváth Á. A regényforma áttörése. Közösségteremtő kísérletek Dosztojevskij «A félkegyelmű» c. regényében*. Diss. ... PhD / JATE. Szeged, 2000.

концепцию Вяч. Иванова о «романе-трагедии» и толкование Ю. Майер-Граефа (Julius Meier-Graefe). На взгляд исследовательницы, с идеей нарушения общественной нормы связано понимание общества и литературного жанра. Герои, стремящиеся к отказу от нормы (Мышкин, Настасья Филипповна, Рогожин, а отчасти и Ипполит), живут не в романе, а в драме. Мышкин, как катализатор, заставляет героев романа сталкиваться с драматичностью темных сил. Конфликт также оценивается в контекстах поэтической структуры диалогов, а их кульминация рассматривается в свете крупных сцен с символическим смыслом. «Здоровье» Мышкина толкуется на основе его способности призывать людей к действию. Хорват проводит аналитическое исследование разных типов объединения людей в сообщества и коллективы (сравниваются, например, сюжетное пространство предыстории и настоящей истории; Петербург и Москва; архаическое и современное общество; до- и послепетровское общество и т. д.). Изучаются предметные и понятийные атрибуты упомянутых коллективов. По мнению исследовательницы, попытки Мышкина создать коллектив приводят к крушению надежд главного героя.

Следует отметить, что венгерские исследователи творчества Достоевского создали серьезный научный потенциал, имеющий более общее теоретико-филологическое значение. Кроме того, венгерские филологи и исследователи вопросов общей теории литературы также систематически обращаются к творчеству Достоевского. Речь идет, например, о статьях Л. Силард (Léna Szilárd) о «Бесах» Достоевского, в которых воссоздана полноценная система мотивов этого произведения, а сам роман осмыслен в широком историко-литературном контексте⁹⁴. Научное признание получила ее книга о карнавале, методологически связанная с Бахтиным, а также с многими достоевскими темами. Следует указать также на роль Г. Ш. Хорвата в венгерских бахтинских исследованиях наших дней, и связь таких исследований с творчеством Достоевского. В этом контексте необходимо назвать раннюю статью А. Ковача 1978 г. и его новейшие труды⁹⁵. Большое значение в венгер-

⁹⁴ Силард Л. От *Бесов* Достоевского к *Петербургу* Андрея Белого. Структура повествования // *Studia Russica*. 1981. Т. IV. С. 71–77; Силард Л. От «Бесов» к «Петербургу». Между полюсами юродства и шутовства (набросок темы) // *Studies in 20th Century Russian Prose*. Stockholm, 1982. P. 180–107; Силард Л. Мотивная структура «Бесов» // *Dostoevsky Studies*. 1983. N 4. P. 139–164; Силард Л. От «Бесов» к «Петербургу». Иерархия семантических структур // *Slavica*. 1984. Т. XXI. P. 141–152.

⁹⁵ См. «Теория карнавала. От Вяч. Иванова до М. Бахтина»: *Szilárd L. A karnevál-elmélet V. Ivanovtól M. Bahtyinig*. Budapest, 1989; также см. «Полифонический роман Достоевского. Михаил Бахтин: Проблемы поэтики Достоевского»: *Horváth G. Dosztojevszkij polifonikus regénye. Mihail Bahtyin: Dosztojevszkij poétikájának problémái* // *Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I–II*. Budapest, 2006. Т. II. О. 541–564; см. также: *Kovács Á. Mihail Bahtyin prózafelfogásáról. A nyelvfilozófiai megközelítés határai* // *Studia Russica* I, 1978. О. 244–255; *Kovács Á. A regényelmélet módszertanához*. Bahtyin, Lukács, Poszpelov // *Filológiai Közöny*. 1977. N 2–3. О. 319–331; *Kovács Á. A diskurzusz*

ской науке и культуре для освоения темы «Достоевский и театр» имеют работы Н. Кирай (Nyina Király)⁹⁶. Способствовала осмыслению творческого наследия русского писателя в Венгрии статья литературоведа и поэта А. Палфи (Ágnes Pálfi)⁹⁷, в которой ставится вопрос о связи между фрагментарной вербальностью мышления в форме внутренней речи и риторическим построением идеологии в поэтике Достоевского. Внутренняя речь в то же время интерпретируется и с точки зрения метапоэтики. В концепцию Палфи включены научные достижения Выготского (внутренняя речь), Бахтина (понятие диалога), Хомского (генеративная грамматика), И. Смирнова и Лотмана (теория текста и жанра), а также некоторых авторов, работы которых вышли в свет в Тарту в начале 1980-х гг. В изложении темы компетентности автора и героя Палфи исходит из концепции Д. Кирая, акцентируя случаи совпадения этих языковых компетенций в «Преступлении и наказании», которые нельзя толковать без анализа внутренней речи в ее связанности с личностными началами⁹⁸. Обратим внимание на книгу И. Месерича (István Meszerics) и диссертации И. Молнара (István Molnár) о Достоевском, а также на две сравнительно новые монографии А. Рейхманн и Ф. Таллара (Ferenc Tallár)⁹⁹.

В завершение обрисовки спектра научных концепций, связанных с критическим осмыслением творчества Достоевского в Венгрии, а также их авторов следует упомянуть молодых исследователей, ведущих нас в будущее. Докторанты в своих работах о творчестве Достоевского разрабатывают интересные темы, поднимая не только новые вопросы, но и смело выбирая уже известные в международной достоевистике предметы изучения, стремясь осветить их по-новому. Э. Шаркозине

---

cselekményelméleti gyökerei Mihail Bahtyin gondolkodásában // Irodalomtörténet. 2010. N 3. O. 303–331.

⁹⁶ См. напр. «Куда идет польский театр»: *Király N. Merre tart a lengyel színház? // Világszínház. Budapest, OSZMI. 1984. Aug. O. 17–30*; а также «Театр среди гор (teatr Witkacy в Закопане)»: *Király N. Színház a hegyek között (A zakopanei Witkacy színház) // Színház. 1992. Május. O. 44–47; Kupaï H. Достоевский: «Кроткая» — театр памяти // Dostoevsky Studies. 2000. N 4. C. 61–71*; см. «Достоевский: „Кроткая“ — театр памяти»: *Király N. Dosztojevskij: A szelíd teremtés — az emlékezés színháza // Palócföld. 2003. N 2. O. 197–207*.

⁹⁷ *Pálfi Á. A belső beszéd metanyelvi funkciója a «Bűn és bűnhődés» narratív építkezésében // Studia Russica. 1987. Vol. XI. Budapest, O. 205–256*.

⁹⁸ С проблематикой внутренней речи связан и анализ А. Палфи первой главы «Игрока»: *Pálfi Á. Dosztojevskij: A játékos // Pálfi Á. Puskin-elemzések (Vers és próza). Budapest, 1997. O. 78–89*.

⁹⁹ См. *Meszerics I. Dosztojevskij szellemi drámája. Budapest, 1974; Molnár I. A szó és a kép viszonyának kérdéséhez. «Ikonfestészet», «fordított perspektíva», «nézőpont» Dosztojevskij két regényében. Budapest, 1988; Molnár I. Isten–Halál–Álom–Alkotás. A halott Krisztus beszédétől a visszatérő Krisztus hallgatásáig (Jean Paul és Dosztojevskij kapcsolatának kérdéséhez). Дис. ... канд. филол. наук / Академия наук ВНР (МТА). Budapest, 1997; Tallár F. Mítosz és regény. Dosztojevskij «A Karamazov testvérek» c. művének értelmezéséhez. Budapest, 2011; Reichmann A. Desire–Narrative–Identity. Dostoevsky's Devils in English Modernism. Eger, 2012*.

Вандан (E. Sárköziné Vandan) в своих статьях рассматривает темы Петербурга Достоевского, «подпольного человека» Достоевского как подростка, а также и понятие «дитя» в романе «Братья Карамазовы»¹⁰⁰. Э. Энгелне Надь (É. Engelné Nagy) исследует роман Достоевского «Бесы»¹⁰¹. Студенты, изучающие русскую филологию на венгерских университетских кафедрах, с неустанным вниманием и энтузиазмом читают Достоевского, с неослабевающим усердием пытаются понять его удивительно сложный художественный мир. Хотя и в наши дни заметно возрастает интерес молодых читателей к современной литературе, Федор Михайлович Достоевский был и останется одной из ключевых творческих личностей, занимающих культурное и научное мышление в Венгрии.

---

¹⁰⁰ Шаркозине Вандан Э. Петербург Достоевского как текстопорождающий локус // *Slovanské jazyky a literatúra: Hľadání identity*. Praha, 2009. S. 335–343; см. «Подпольный герой Достоевского как *подросток* или поиски мотива *незаконченности* в „Записках из подполья“»: *Sárköziné Vandan E. Dosztojevszkij Odúlakója mint kamasz. A «Feljegyzések az egérlukból» c. elbeszélés értelmezéséhez // Adsumus VIII. Tanulmányok a X. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2010. O. 158–173; *Шаркозине Вандан Э. Репрезентация концепта «дитя» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // In honour of Peeter Torop 60. A Collection of Papers from Young Scholars*. Budapest; Tartu, 2010. С. 137–150.

¹⁰¹ См. «Некоторые поэтические вопросы романа Ф. М. Достоевского „Бесы“». Значимость и функция Степана Трофимовича: *Engelné Nagy É. Dosztojevszkij «Ördögök» című regényének néhány poétikai kérdése. Szytepan Trofimovics alakjának jelentősége és funkciója // Adsumus IV. Tanulmányok a VI. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2006. O. 73–95; а также «О некоторых проблемах фикциональных моделей в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“»: *Engelné Nagy É. A fikcionális modellek néhány problémájáról F.M. Dosztojevszkij «Ördögök» című regényében // Adsumus VI. Tanulmányok a VIII. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2008. O. 174–195; и статью «Фикционализация и интертекстуальность — о некоторых проблемах появления темы Фауста в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“»: *Engelné Nagy É. Fikcionalizálás és intertextualitás — a Faust-téma megjelenésének néhány problémájáról F.M. Dosztojevszkij «Ördögök» című regényében // Adsumus VIII. Tanulmányok a X. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2010. O. 29–49.